

Посвящается Нилу, Бетти и Дорис.
Высокому, милой и лохматой

Из Википедии:

«Сожженные девочки» — куклы из веток, которые изготавливают в маленькой деревушке Чепел-Крофт в Сассексе, чтобы увековечить память сассекских мучеников — восьмерых жителей деревни, сожженных на костре во время правления королевы Марии I (1553—1558), стремившейся вернуть страну в лоно католической церкви. Двое из сожженных протестантов были молоденькими девушками. Кукол поджигают во время церемонии, которую проводят каждый год в годовщину казни.

Пролог

Какой я человек?

В последнее время он часто задавался этим вопросом.

Я Божий человек. Я Его слуга. Я выполняю Его волю.

Но достаточно ли этого?

Он пристально разглядывал маленький побеленный дом. Красная черепичная крыша и яркие фиолетовые клематисы, взбирающиеся по его стенам, купались в лучах заходящего солнца. В кронах деревьев щебетали птицы. В густых кустах лениво жужжали пчелы.

Здесь, в этом невинном с виду месте, находится зло.

По короткой подъездной дорожке он медленно пошел к дому. Страх, подобно судороге, физической болью терзал его внутренности. У двери он поднял руку, но дверь открылась прежде, чем он успел постучать.

— О, слава Богу! Хвала Создателю, вы пришли.

Мать измученно прислонилась к косяку. Прямые русые волосы прилипли к голове, глаза воспалились, а кожа была серой и морщинистой.

Вот как это выглядит, когда в твой дом входит Сатана.

Он шагнул внутрь. В нос ударил кисловатый смрад. Как это могло зайти так далеко? Он поднял голову. На верхней площадке лестницы, казалось, сгущается зло. Он оперся рукой на перила. Ноги отказывались ему повиноваться. Он крепко зажмурился, глубоко дыша.

— Отец?

Я Божий человек.

— Проводите меня.

Он начал подниматься. На верхней площадке было всего три двери. Из-за одной выглянул мальчик в шортах и футболке, покрытых пятнами. При виде приближающейся к нему фигуры в черном облачении мальчик захлопнул дверь.

Он толкнул соседнюю дверь и физически ощутил удар в лицо. Жара и вонь. Он зажал рот рукой, подавляя рвотный рефлекс.

Кровать была покрыта пятнами крови и других выделений. К стойкам кровати крепились ремни, но они были расстегнуты. Посредине, на матрасе лежал большой открытый кожаный портфель. Крепкие ремни удерживали содержимое: тяжелое распятие, Библию, святую воду, полосы муслиновой ткани.

Не хватало двух предметов. Они лежали на полу. Скальпель и длинный зазубренный нож. Оба липкие от крови. Кровь окружала и тело, стекая на пол подобно темно-рубиновому плащу.

Он сглотнул. У него во рту пересохло, как в поле, выжженном летним солнцем.

— Господи Иисусе, что здесь произошло?

— Я вам говорила. Я вам говорила, что дьявол...

— Довольно!

На тумбочке возле кровати что-то лежало, и он подошел ближе. Маленькая черная коробка. Несколько секунд он молча на нее смотрел, затем обернулся к нерешительно топтавшейся в дверях матери. Она заламывала руки и умоляюще смотрела на него.

— Что же нам делать?

Нам. Потому что его это тоже касалось.

Он оглянулся на окровавленное истерзанное тело на полу.

Какой я человек?

— Несите тряпки и хлорку. Скорее.

Уэлдон Геральд, четверг, 24 мая 1990

Пропавшие девочки

Полиция обратилась за помощью в поиске двух исчезнувших сассекских девочек-подростков: Мерри Лейн и Джой Хэррис. Обеим было пятнадцать лет, и считалось, что они сбежали вместе. Джой в последний раз видели на автобусной остановке в Хенфилде вечером двенадцатого мая. Мерри, оставив

записку, исчезла из своего дома в Чепел-Крофт неделю спустя, девятнадцатого мая.

Полиция не нашла ничего подозрительного в исчезновении девочек, но, тревожась об их благополучии, в обращении девочек просила связаться со своими семьями.

«Вам ничего не угрожает. Родные беспокоятся. Они всего лишь хотят знать, что вы в безопасности и в любой момент можете вернуться домой».

Джой описывали как хрупкую девочку ростом пять футов и пять дюймов, с длинными белокурыми волосами и тонкими чертами лица. Когда ее видели в последний раз, она была одета в розовую футболку, потертые джинсы и кроссовки «Данлоп гринфлеш».

Мерри описывали как худенькую девочку ростом пять футов семь дюймов, с темными короткими волосами. Одета была в мешковатый серый джемпер, джинсы и черные парусиновые туфли на резиновой подошве.

Тех, кто их увидит, просили сообщить об этом в полицейский участок в Уэлдоне по телефону 01323 456723 или позвонить в организацию «Краймстопперы» по номеру 0800 555 111.

Глава 1

— Ситуация очень неприятная.

Епископ Джон Деркин доброжелательно улыбнулся.

Я не сомневаюсь в том, что епископ Джон Деркин делает доброжелательно абсолютно все, даже какает.

Самый молодой из епископов, когда-либо возглавлявших епархию Норт-Ноттс, он опытный оратор, автор нескольких известных трудов по теологии, и было бы странно узнать, что он ни разу не пытался ходить по воде.

А еще он недоумок.

Это знаю я. Это знают его коллеги, его сотрудники. Я думаю, что в глубине души это знает и он сам.

К сожалению, никто ему этого в лицо не скажет. Я уж точно не собираюсь. Во всяком случае, сегодня. Пока он держит

в своих гладких наманикюренных ручках мою работу, мой дом и мое будущее.

— Такие события способны пошатнуть веру общества, — продолжает он.

— Вера не пошатнулась. Люди разгневаны и опечалены. Но я не позволю этому разрушить все, чего мы достигли. Я не покину людей сейчас, когда они нуждаются во мне как никогда прежде.

— Вы уверены? Посещаемость упала. Занятия отменены. Я слышал, что детские группы могут перевести в другую церковь.

— Сказывается наличие сигнальных лент полиции вокруг места преступления. В этой общине не особенно жалуют полицию.

— Я это понимаю...

Ничего он не понимает. Деркин видит гетто, только когда его водитель случайно сворачивает не туда, везя его в частный спортзал.

— Я гарантирую, что это временное явление. Я могу вернуть их доверие.

Я умалчиваю о том, что мне *необходимо* это сделать. Мне необходимо загладить собственную ошибку.

— Так, значит, вы способны совершать чудеса? — Не дав мне времени ответить или возразить, Деркин продолжает: — Послушайте, Джек, я знаю, что вы поступили так из самых лучших побуждений, но вы подошли слишком близко.

Я выпрямляюсь на стуле, борясь с желанием скрестить руки на груди, как угрюмый тинейджер.

— Разве не в этом заключается наша работа? В том, чтобы устанавливать близкие отношения с общиной.

— Наша работа заключается в том, чтобы поддерживать репутацию церкви. Настали трудные времена. Церкви рушатся повсюду. Все меньше и меньше людей ходит в храмы. Мы проигрываем битву даже без подобной очерняющей церковь шумихи.

Деркина только это и заботит. Газеты. Шумиха. Церкви и в самые лучшие времена постоянно критикуют. Несмотря

на попытку спасти малышку, она погибла, и ее смерть на моей совести.

— И что теперь? Мне подать в отставку? Вы этого от меня ожидаете?

— Отнюдь. Было бы жаль потерять служителя вашего *маштаба*. — Он соединяет ладони перед грудью пальцами вверх. На самом деле. — И это произвело бы дурное впечатление. Походило бы на признание вины. Нам следует хорошенько подумать над тем, что делать дальше.

Еще бы. Особенно с учетом того, что это он предложил перевести меня сюда. Я его любимая собачка-призер. И мне многое удалось — некогда полуразрушенная церковь в бедняцком районе превратилась в средоточие жизни общины.

До Руби.

— И что вы предлагаете?

— Перевести вас. В какой-то менее заметный приход. Небольшая церковь в Сассексе внезапно осталась без священника. Чепел-Крофт. Пока туда кого-нибудь не назначат, они нуждаются в замене.

Я смотрю на него, чувствуя, как земля уходит у меня из-под ног.

— Прошу прощения, но это невозможно. Моя дочь в следующем году оканчивает школу. Я не могу просто взять и перевезти ее на другой конец страны.

— Я уже согласовал ваш перевод с епископом Гордоном в епархии Уэлдона.

— *Что* вы сделали? *Как*? Вы размещали объявление об этой вакансии? Наверняка нашлась бы более подходящая кандидатура из числа местных жителей...

Он машет рукой, давая понять, что обсуждать тут нечего.

— Мы просто болтали. Упомянули вас. Он вспомнил о вакансии. Счастливая случайность.

Деркин дергает за ниточки лучше, чем долбаный Джеппетто.

— Попробуйте взглянуть на это с другой стороны, — продолжает он. — Тут есть свои плюсы. Красивый уголок страны. Свежий воздух, поля. Маленькая безопасная община. Это могло бы пойти на пользу вам и Фло.

— Я лучше знаю, что пойдет на пользу мне и моей дочери.
 Ответ — нет.

— Тогда позвольте мне говорить начистоту, Джек. — Он смотрит мне в глаза. — Это не просьба.

Деркин не случайно самый молодой епископ из когда-либо возглавлявших епархию. И это не имеет никакого отношения к доброжелательности.

Я стискиваю лежащие на коленях кулаки.

— Понятно.

— Отлично. Вы приступаете на следующей неделе. Собирайте вещи.

Глава 2

— Господи Иисусе!

— Снова богохульствуешь.

— Я знаю, но... — Фло качает головой. — Ну и дыра.

Она права. Я останавливаю машину и смотрю на наш новый дом. Точнее сказать, духовный дом. Наш *настоящий* дом находится по соседству: маленькое двухэтажное строение, которое выглядело бы довольно мило, если бы не кренилось самым пугающим образом куда-то вбок, будто медленно сползало по склону — кирпичик за кирпичиком.

Сама часовня маленькая и квадратная, а ее белые стены потемнели от времени. Она не особо напоминает место поклонения Господу. Нет ни шпиля на крыше, ни креста, ни витражей. Четыре простых окна на фасаде. Два вверху, два внизу. Между двумя верхними окнами расположены часы, окруженные цветистой надписью:

«Дорожите временем, ибо дни лукавы»¹.

Мило. К несчастью, буквы «в» и вторая «е» стерлись, и теперь предлагается дорожить ремнем, что бы это ни значило.

Я выбираюсь из машины. В духоте и жаре одежда тут же прилипает к коже. Вокруг нас нет ничего, кроме полей. Сама

¹ Цитата из Посланий апостола Павла (Еф. 5: 15). (Здесь и далее примеч. пер.)

деревня состоит из пары десятков домов, паба, магазина и здания общины. Царит полная тишина, не считая пения птиц и жужжания изредка пролетающих пчел. Это действует мне на нервы.

— Итак, — говорю я, стараясь скрыть за напускным оптимизмом охвативший меня ужас. — Пойдем, заглянем внутрь.

— Может, лучше посмотрим, где мы будем жить? — спрашивает Фло.

— Сперва дом Божий. Затем дом его детей.

Она закатывает глаза, давая понять, как тяжело ей мириться с моей тупостью. Закатыванием глаз подростки могут сообщить очень многое. С учетом того, что, как только им исполняется пятнадцать, вербальное общение с ними становится практически невозможным, я ничего не имею против.

— Кроме того, — добавляю я, — наша мебель застряла в пробке на M25. А в церкви во всяком случае есть скамьи.

Она хлопает дверцей машины и, ссутулившись, угрюмо бредет за мной. Я искоса смотрю на нее: темные волосы, стрижка «рваный боб», кольцо в носу (которое она снимает, когда идет в школу, — результат отчаянной борьбы) и увесистый «Никон», почти всегда болтающийся у нее на шее. Я часто думаю, что моя дочь просто идеальная кандидатура на роль Лидии в ремейке «Битлджуса»¹.

От дороги к часовне ведет длинная дорожка. Перед самыми воротами стоит облупившийся металлический почтовый ящик. Мне сказали, что именно в нем мы найдем ключи, если по прибытии никого здесь не обнаружим. Я откидываю крышку, сую руку внутрь и... бинго! — извлекаю два поцарапанных серебристых ключа, видимо от домика, и тяжелый железный предмет, будто предназначенный для того, чтобы открывать что-то из толкиеновских фантазий. Предположительно, это ключ от часовни.

— Что ж, во всяком случае, мы можем попасть внутрь, — говорю я.

— Потрясающе, — с каменным лицом изрекает Фло.

¹ В фильме Тима Бартона (1988) эту роль исполняет Вайнона Райдер.

Не обращая на нее внимания, я толкаю ворота. Дорожка крутая и неровная. По обеим ее сторонам из высокой травы поднимаются каменные надгробия. Слева выделяется изваяние повыше. Серый безрадостный обелиск. У его подножия лежит нечто, напоминающее букет засохших цветов. Присмотревшись внимательнее, я вижу, что это не цветы, а крошечные куклы из веточек.

— Что это такое? — спрашивает Фло, всматриваясь в них, и тянется к фотоаппарату.

— Сожженные девочки, — машинально отвечаю я.

Она приседает на корточки и начинает щелкать своим «Никоном».

— Это нечто вроде местной традиции, — поясняю я. — Об этом есть информация в Интернете. Люди делают их, чтобы почтить память сассекских мучениц.

— Кого?

— Жительниц деревни, которых сожгли на костре в период борьбы королевы Марии с протестантами. Две юные девушки были убиты у стен этой часовни.

Она, поморщившись, выпрямляется.

— Этих жутковатых кукол делают в память о них?

— А в годовщину казни сжигают.

— Ни дать ни взять «Ведьма из Блэр».

— Ну а чего ты хотела, это деревня. — Бросив на кукол последний презрительный взгляд, я иду дальше. — Тут полно всяких странных традиций.

Фло вытаскивает телефон и делает еще пару снимков, видимо, чтобы поделиться ими с друзьями, оставшимися в Ноттингеме, — *вы только полюбуйтесь, чем развлекаются эти чокнутые деревенские*, — затем догоняет меня.

Мы подходим к двери часовни, и я вставляю ключ в замок. Тот поддается с трудом, и мне приходится приложить усилия, чтобы заставить ключ повернуться. Дверь открывается, издав скрип. *Настоящий* скрип, в точности как звуковой эффект в фильмах ужасов. Я толкаю ее, отворяя пошире.

Темнота внутри часовни являет полный контраст с августовским солнечным днем. Мои глаза медленно привыкают

к сумраку. Солнечный свет робко проникает сюда сквозь заросшие грязью окна, освещая тучу пыли в воздухе.

Я разглядываю необычный интерьер — маленький неф, с трудом вмещающий полдюжины рядов скамей, обращенных к центральному алтарю. Узкие деревянные лестницы по обе стороны от скамей ведут наверх — на балкон, где также расположены скамьи, что придает часовне сходство с театром или ареной для гладиаторских боев. Я не понимаю, как этому строению удастся проходить проверки пожарной безопасности.

Воздух в помещении затхлый, как будто здесь очень давно никого не было, и это странно, с учетом того, что им перестали пользоваться регулярно всего несколько недель назад. Кроме того, тут, как и в большинстве часовен и церквей, одновременно душно и холодно.

Я замечаю, что в глубине нефа небольшой участок отгорожен желтыми пластиковыми щитами. На одном из них виднеется написанное от руки предупреждение: «*Осторожно. Неровный пол. Плиты расшатаны*».

— Я забираю свои слова обратно, — говорит Фло. — Это абсолютная и конченная дыра.

— Могло быть и хуже.

— Как?

— Изъеденная жуками древесина, сырость, насекомые...

— Я подожду снаружи.

Резко развернувшись, она чуть ли не выбегает из здания.

Я за ней не иду. Лучше дать ей время. Мне нечем ее утешить. Девочку вырвали из города, который она любит, из школы, где она чувствовала себя уверенно, и привезли туда, где нет ничего, кроме полей и коровьего навоза. Мне придется очень постараться, чтобы помириться с дочерью.

Я смотрю на деревянный алтарь.

— Что я здесь делаю, Господи?

— Я могу вам чем-то помочь?

Я резко оборачиваюсь.

Позади меня стоит мужчина. Он худощав и очень бледен. Белую как мел кожу оттеняют лоснящиеся черные волосы, зачесанные назад и открывающие взгляду глубокие залысины.

Несмотря на теплую погоду, он одет в темный костюм поверх серой рубашки без воротничка. Он похож на вампира, собравшегося на вечеринку в джаз-клуб.

— Простите, я впервые получаю прямой ответ. — Я улыбаюсь и протягиваю ему руку. — Меня зовут Джек.

Он продолжает смотреть на меня с подозрением.

— Я староста этой церкви. Как вы сюда вошли?

И тут до меня доходит. На мне нет воротничка, а ему, вероятно, сказали только, что сегодня придет викарий Брукс. Разумеется, он мог навести обо мне справки в Интернете, хотя, судя по его виду, он до сих пор пользуется чернилами и перьями.

— Прошу прощения. Джек Брукс. Викарий Брукс.

Его глаза слегка расширяются, а щеки едва заметно розовеют. Следует признать, мое имя приводит его в замешательство. И также следует признать, что это доставляет мне удовольствие.

— О, простите. Мне очень жаль. Просто...

— Вы представляли меня иначе?

— Ну да.

— Выше, стройнее, привлекательнее?

И тут раздается громкий крик:

— МАМА!

Я оборачиваюсь. В дверях стоит Фло с широко открытыми глазами на побелевшем лице. Включается мой материнский инстинкт.

— Что случилось?

— Там девочка. Она... Мне кажется, она ранена. Пойдем скорее. *Скорее.*

Глава 3

Девочке не больше десяти лет. Она одета в платье, которое, возможно, когда-то было белым, ее ноги босы... и она залита кровью.

От крови ее белокурые волосы стали грязно-бурыми, лицо покрылось алыми полосами, а платье стало темно-бордовым.

Она, пошатываясь, бредет к нам, и ее босые ноги оставляют на дорожке кровавые следы.

Я смотрю на нее, отчаянно пытаюсь сообразить, что могло случиться. Может, она попала под машину? Но на дороге нет никаких машин. А крови *так много*. Как она вообще держится на ногах?

Я осторожно подхожу к ней и присаживаюсь на корточки.

— Привет, милая. Ты ранена?

Она поднимает на меня глаза. Удивительно синие, широко открытые от шока. Она качает головой. Не ранена. Тогда откуда вся эта кровь?

— Хорошо. Ты можешь мне рассказать, что случилось?

— Он ее убил.

Несмотря на жару, у меня по спине ползет холодок.

— Кого?

— Пиппу.

— Фло, — осторожно говорю я, — вызывай полицию.

Она извлекает из кармана телефон и изумленно смотрит на экран.

— Нет связи.

Проклятье. Дежавю накрывает меня с такой силой, что к горлу подступает тошнота. Кровь. Маленькая девочка. Только не это.

Я оборачиваюсь к джаз-вампиру, топчущемуся в дверях.

— Я не слышала, как вас зовут.

— Аарон.

— Аарон, в церкви есть стационарный телефон?

— Да. В офисе.

— Вы могли бы пойти и воспользоваться им?

Он колеблется.

— Девочка... Я ее знаю. Она с фермы Харпера.

— Как ее зовут?

— Поппи.

— Хорошо. — Я ободряюще улыбаюсь девчужке. — Поппи, мы сейчас позовем на помощь.

Аарон все еще на месте. Возможно, это шок, возможно, нерешительность. В любом случае толку от него немного.

— Телефон! — рывкаю я.

Он опрометью кидается в церковь. Я слышу рев двигателя быстро приближающейся машины. Я поднимаю глаза, и в ту же секунду из-за поворота вылетает ренджровер. Визг шин по гравию — и он резко останавливается у ворот часовни. Дверь автомобиля распахивается настежь.

— *Поппи!*

Из машины выпрыгивает мужчина плотного сложения с соломенными волосами. Он почти бежит по дорожке, приближаясь к нам.

— О боже, Поппи! Я тебя везде искал. Что ты себе только думаешь? Нельзя просто брать и убежать.

Я выпрямляюсь.

— Это ваша малышка?

— Да. Она моя дочь. Я Саймон Харпер. — Похоже, это должно было что-то для меня означать. — А вы кто такая, черт подери?

Я прикусываю язык.

— Я преподобная Брукс, новый викарий. Как насчет того, чтобы рассказать мне, что здесь происходит? Ваша дочь вся в крови.

Он хмурится. На вид он чуть старше меня. Здоровяк, но не толстяк. На лице написана самоуверенность, и у меня складывается впечатление, что он не привык держать ответ ни перед кем, не говоря уже о женщине.

— Это не то, на что похоже.

— В самом деле? Потому что это похоже на кадры из «Техасской резни бензопилой».

Это вырывается у Фло.

Саймон Харпер раздраженно косится на нее, затем снова оборачивается ко мне.

— Я уверяю вас, *преподобная*, что все это всего лишь недо-разумение. Поппи, прошу тебя, подойди сюда...

Он протягивает ей руку. Поппи испуганно прячется за мою спину.

— Ваша дочь сказала, что кого-то убили.

— *Что?*

— Пиппу.

— О господи! — Он закатывает глаза. — Это вздор.

— Как сказать... Мы можем предоставить право решать, что вздор, а что нет, полиции.

— *Ленну*, а не Пиппу. И Пеппа — это свинья.

— Прошу прощения?

— Это кровь *свиньи*.

Я смотрю на него. По моей спине стекает пот. По дороге медленно проезжает трактор. Саймон Харпер тяжело вздыхает.

— Мы не могли бы войти в церковь и слегка ее помыть? Я не могу везти ее обратно в машине в таком виде.

Я оглядываюсь на покосившийся домишко.

— Пойдемте туда.

Я впервые вхожу в наше новое жилище. Представляла себе новоселье несколько иначе. Фло приносит из сада пару пластиковых стульев, и мы усаживаем Поппи. Мне удастся найти под раковиной относительно чистую тряпку и полбутылки жидкого мыла. Я также замечаю там фонарь и паука размером с мой кулак.

— Я посмотрю в машине, — говорит Фло. — Мне кажется, там должны быть влажные салфетки и мой джемпер, в который можно было бы одеть Поппи.

— Отличная идея.

Она снова выбегает наружу. Я думаю о том, что она хорошая девочка, несмотря на норы.

Я сую тряпку под кран и, присев на корточки рядом с Поппи, начинаю оттирать кровь с ее лица.

Кровь свиньи. Как так вышло, что маленькая девочка с ног до головы залита кровью свиньи?

— Я понимаю, что это выглядит ужасно. — Саймон Харпер предпринимает попытку говорить миролюбиво.

— Я никого не осуждаю. Главное правило моей работы.

И еще это ложь. Я смываю кровь со лба и ушей Поппи. Она становится чуть больше похожей на маленькую девочку и чуть меньше — на персонажа романа Стивена Кинга.

— Вы, кажется, хотели что-то объяснить?

— У меня есть ферма. Ферма Харпера. Она принадлежит нашей семье уже много лет. Также имеется своя бойня. Я знаю, что некоторым людям сложно это принять...

Я игнорирую намек.

— Вообще-то, я считаю, что людям необходимо знать, откуда берется еда. В моем бывшем приходе большинство детей считали, что мясо растет в булочках из Макдоналдса.

— Ну да... Вот именно. Мы пытались воспитывать обоих наших детей так, чтобы они понимали, что такое фермерство. Чтобы они не относились к животным слишком сентиментально. У нас никогда не было проблем с Роузи — это наша старшая дочь. Но Поппи более... чувствительна.

У меня возникает ощущение, что слово «чувствительная» — это эвфемизм и на самом деле он имел в виду что-то совсем другое. Я отвожу волосы Поппи со лба и приглаживаю их назад. Она безразлично смотрит на меня своими ярко-голубыми глазами.

— Я говорил Эмме... это моя жена... нельзя было позволять ей давать им имена.

— Кому?

— Свиным. Поппи это доставляло радость, но затем, конечно, она к ним привязалась, особенно к одной.

— К Пеппе?

— Да.

— Сегодня утром мы повели свиней на бойню.

— Ага.

— Поппи не должно было быть дома. Роузи пошла с ней на детскую площадку, но, видимо, что-то случилось. Они вернулись рано, и я не понял, откуда рядом со мной появилась Поппи...

Он замолкает в растерянности. Я пытаюсь представить себе ребенка, напоровшегося на столь жуткую сцену.

— Я все равно не понимаю, как она оказалась вся в крови.

— Я думаю... Должно быть, она поскользнулась и очутилась на полу. Как бы то ни было, потом она убежала, а остальное вы уже знаете... Вы и представить себе не можете, как скверно я себя чувствую, но это ферма. Это то, чем мы занимаемся.